

Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин

Граф Федор Васильевич Ростопчин (1765–1826) – государственный и общественно-политический деятель, генерал от инфантерии, руководитель внешней политики России в царствование Павла I, главнокомандующий Москвы 1812 года, консервативный публицист и писатель, современник, друг и единомышленник Н.М. Карамзина. Ростопчина сближала с Карамзиным не только общность консервативных взглядов, политических целей, которым они следовали, но и многочисленные пересечения биографий: будь то семейные связи или примеры взаимовыручки и дружеской поддержки, которые они оказывали друг другу в течение жизни. Примечательно, что в 1812 году, накануне оставления Москвы Наполеону Карамзин на протяжении долгого времени пребывал в доме Ростопчина, совместно с ним переживая трагическое для России время. Между тем безупречность интеллектуальной, идейно-политической репутации Карамзина явно контрастирует с образом Ростопчина, который укоренился в общественном сознании и научной литературе.

В признанном пантеоне героев Отечественной войны 1812 года имя графа Ростопчина, как правило, отсутствует. Более того, в исторической памяти народа и литературе его фигура часто оказывается в компании антигероев русской истории. Во многом это связано с тем образом московского главнокомандующего, который был создан в известном романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Ростопчин у Толстого оказался в оппозиции не только фельдмаршалу М.И. Кутузову, но и в целом русскому народу как носителю подлинного патриотизма. Все мероприятия Ростопчина на идеологическом поприще стали предметом иронии и сарказма писателя, показавшего их исключительно в негативном свете. По всей видимости, именно принадлежность Ростопчина определенному идейному течению стала поводом для его резкой критики не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Подобная ситуация сохраняется вплоть до сегодняшнего времени.

Между тем происхождением, образом жизни, культурными ценностями и пристрастиями, наконец, системой политических взглядов Ростопчин и Карамзин мало чем отличались друг от друга. Оба ровесники, выходцы из незнатных дворянских родов, получили первоначальное домашнее образование, которое затем дополнили в различных учебных заведениях (Ростопчин – в пажеском корпусе, Карамзин – в пансионе И.М. Шадена). Оба начинали свою карьеру со службы в Преображенском полку, однако рано оставили военное поприще. Оба будущих консерватора в молодости путешествовали по Европе, оставив яркие литературные сочинения, созданные по впечатлениям от поездок [36; 15].

И Ростопчин, и Карамзин начинали свои духовные и интеллектуальные поиски с членства в масонских ложах, но быстро разочаровались в масонстве как таковом, по складу ума будучи чуждыми мистицизму. Кроме того, они были родственниками благодаря женитьбе на родных племяннице и тете¹. Ростопчин в частной переписке даже называл историографа своим «дядюшкой» [26, с. 31]. Помимо родства, Ростопчина и Карамзина объединяли давняя дружба и взаимоуважение. Благодаря своему положению и связям Ростопчину неоднократно удавалось оказывать покровительство Карамзину. Так, в царствование Павла I он несколько раз защищал Карамзина на самом высоком уровне от доносов на него императору [17, с. 244; 12, с. 244]. В александровское царствование именно Ростопчин познакомил Карамзина с великой княгиней Екатериной Павловной, что способствовало не только приближению историографа ко двору «тверской полубогини» (выражение самого Карамзина), но и в целом к членам царствующей династии.

Еще больше точек соприкосновения между Ростопчиным и Карамзиным было на идейном поле. В царствование Александра I оба выступили в качестве главных представителей так называемой русской партии, громко заявившей о себе накануне и во время наполеоновского нашествия. Оба были защитниками идеи самодержавия и ведущей роли православия в истории России и русского народа; подчеркивали значимость русской истории, языка, традиционной культуры. Оба в разной степени придерживались антизападнической позиции как в политической, так и в культурной сфере. Одновременно с этим, как и прочие ранние консерваторы, Ростопчин и Карамзин выступали за сохранение традиционной иерархии общества, считая дворянство опорой трона и государства; были решительными противниками отмены крепостного права, видя в этом предпосылку грандиозной социально-политической катастрофы; для них были неприемлемы революции и любые реформы, подрывающие Традицию. Всё это были базовые ценности и идеи раннего консерватизма и национализма.

Однако существовали в их взглядах, а также способах их выражения и распространения отличия, носившие второстепенный характер, но именно они и повлияли на особую, «неполиткорректную» репутацию Ростопчина не только среди современников, но и среди потомков, в том числе, историков.

В интеллектуальной биографии Ростопчина не случалось резких и крутых поворотов. Он оставался на редкость постоянным в своих взглядах и политических пристрастиях. В отличие от Карамзина, он никогда не был либералом, республиканцем, космополитом. Политическим взглядам и общественным идеалам Ростопчина в царствование Екатерины II трудно дать развернутую характеристику. Тем не менее широкую известность получила его нелюбовь к иностранцам, особенно к тем, кто находился на русской службе. «Непримиримым врагом» и «преследователем» иноземцев называли его как отечественные, так и зарубежные мемуаристы [9, с. 181; 4, с. 358]. Сам Ростопчин еще во время военной службы при Екатерине с раздражением писал о том, что русская армия «наполнена иностранцами, людьми без рода и племени» [6, с. 84], а уже в павловское царствование высказывался против того, чтобы важные государственные посты Российской империи доверять «иноземцам» [6, с. 89]. Отчасти из-за этого Ростопчина считают представителем «русской партии» при дворе Павла I, ставившей во главу угла приоритет национальных интересов во всех сферах государственной жизни Российской империи.

¹ Первая жена Карамзина, Елизавета Ивановна Протасова была родной тетей жены Ростопчина, Екатерины Петровны Протасовой. Отец Екатерины Петровны Ростопчиной, сенатор Петр Степанович Протасов был женат на своей дальней родственнице Александре Ивановне Протасовой, родной сестре Елизаветы Ивановны Карамзиной (умерла в 1802 году).

Особенно явно апелляция к этому принципу проявилась во внешней политике России 1799–1801 годов. Именно со вступлением Ростопчина в должность первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел в сентябре 1799 года внимательные наблюдатели [5, с. 571] связывали начало нового внешнеполитического курса России, в основу которого легла идея русско-французского союза. При этом именно влиянием Ростопчина на Павла I объяснялась кардинальная перемена во внешнеполитических ориентирах России конца XVIII столетия. Во всяком случае, уже в ноябре 1799 года английский посланник при русском дворе лорд Ч. Уитворт, отмечая «роковую» перемену в мыслях и намерениях императора Павла, связывал ее исключительно с влиянием Ростопчина [39, с. 275].

Идея русско-французского союза стала частью целостной внешнеполитической концепции Ростопчина. По наблюдению современников, его политика основывалась на положении, в соответствии с которым «России нет никакой надобности вмешиваться в дела Европы и что ей достаточно одного – внушать своим соседям страх», при этом она может «с полной безопасностью изолироваться и созерцать падение других правительств, не опасаясь себе подобной участи» [4, с. 589; 39, с. 275]. Действительно, в записке Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования [33] высказывались мысли о самодостаточности и независимости России на мировой арене и об исконной, природной враждебности к ней со стороны стран Западной Европы. Эти идеи получили дальнейшее развитие в русской мысли XIX–XX веков, в том числе сочинении Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». (Весьма примечательно, что сам Н.Я. Данилевский в качестве эпиграфа к главе, посвященной внешней политике России, взял цитату из записки Ростопчина [33, с. 92; 10, с. 435].) Не используя сам термин, Ростопчин тем не менее весьма точно описал в своей записке такое явление, как русофобия. Он видел ее истоки в страхе Европы перед могуществом и силой России. По его мнению, Россия с ее исключительным положением и «неистождимою силой», имеет объективные предпосылки быть «первой державой мира», что, вызывая «зависть и злобу» прочих держав, толкает их на враждебные против нее действия [33, с. 90]. Главным внешнеполитическим соперником России Ростопчин считал Англию. Именно поэтому его грандиозный проект раздела владений Османской империи между европейскими державами исключал участие в нем Великобритании, традиционно считавшей этот регион сферой своих интересов. Еще одной действенной мерой, которая преследовала цель поколебать английское могущество, была организация и начало легендарного Индийского похода, пусть не автором, но сторонником которого являлся Ростопчин. Собственно все эти смелые и радикальные планы и их реализация привели в конечном счете к отставке Ростопчина в конце павловского царствования в результате интриги влиятельной «английской партии», а также убийству Павла I.

Ростопчин до конца жизни сохранил благоговейное отношение к личности убитого императора. В отличие от большинства ранних консерваторов, в том числе, и Карамзина [12, с. 281], он выступал апологетом его царствования, считая, что Павлу просто не хватило времени на свершение дел, способных возвеличить Россию, а его имя прославить в веках [28, с. 374]. Это была не вполне типичная для того времени позиция. Даже в «классическом манифесте русского консерватизма» [14] – записке Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Павлу I отводится роль тирана наряду с Иваном Грозным, а его царствование называется «вредным» [14, с. 263]. Положительная оценка личности и деятельности императора Павла является своего рода лакмусовой бумажкой для определения крайне правых взглядов. Примечательно, что настоящий культ Павла I сформировался в черносотенной среде в начале XX века.

Являясь почитателем Павла I, Ростопчин видел в его венценосном сыне виновника гибели своего благодетеля. При этом он не скрывал своего отношения к молодому императору. Александру I, например, были известны слова Ростопчина, назвавшего Аустерлицкое поражение русских войск «Божьим наказанием» за убийство Павла I [38, с. 215]. Александр и раньше не испытывал особого расположения к фавориту отца, но столь жесткие обвинения тем более не способствовали потеплению его отношения к Ростопчину. Впоследствии, назначая Ростопчина на пост московского генерал-губернатора в судьбоносное для России время, Александр I всего лишь поддавался уговорам близких людей, переступая через свою антипатию.

Сразу после смерти Александра I Ростопчин следующим образом охарактеризовал общественное настроение: «Народ равнодушен. Дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно. Военные надеются, что их менее будут мучить» [29, с. 318]. В этой жесткой и откровенной характеристике проявилось личное отношение Ростопчина к покойному императору и к его царствованию. В то же самое время другой консерватор, Карамзин, признавался в любви к Александру I: «Не было во мне ослепления, но было много любви, которую столько люблю!» И далее, как бы вслед за Ростопчиным, касался общественной реакции на смерть императора, правда, не русской, а европейской: «Можно ли читать без умиления, что пишут об Александре умнейшие французы и англичане? Нам лучше безмолвствовать красноречиво» [27, с. 686].

С самого начала александровского царствования Ростопчин встал в идейную оппозицию новому курсу, подвергая критике как либеральную политику самого императора, так и господствующие в обществе идеи и настроения. Власть и общество Ростопчин критиковал за нравственную деградацию, культивирование идей рационализма и космополитизма, процветание масонства и отсутствие порядка практически во всех сферах государственной жизни. В эти годы возникают такие яркие сочинения Ростопчина, как повесть «Ох, французы!» [38], комедия «Вести, или Убитый живой» [31] и, наконец, знаменитый антифранцузского памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» [34]. Воздействие, которое оказал на русское общество памфлет Ростопчина, было огромным. Многие современники заучивали его наизусть. Появились многочисленные подражатели Ростопчину. Для современников и потомков ростопчинский Сила Андреевич Богатырев стал подлинным олицетворением русскости, яркой эмблемой народности и патриархальности.

«Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: “Сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно, – только не будь на Руси”», – на столь высокой эмоциональной ноте начинается монолог старого патриота, возмущенного ролью, которую стали играть французы в России. В слепом преклонении русских перед французами он видел непонятное для него национальное самоуничижение соотечественников, которые отказались от своей великой миссии и героического прошлого. «Уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянью заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет?» [34, с. 420] – недоумевал Богатырев, для которого сам по себе француз достоин большего осуждения и презрения, чем его русский поклонник. До выхода в свет «Мыслей вслух на Красном крыльце» Ростопчин не демонстрировал столь широко и откровенно свою галлофобию.

Однако основная идея памфлета заключалась не столько в критике всего французского, сколько в демонстрации превосходства всего русского, будь то русская армия, русский народ или русское дворянство, наконец, славная рус-

ская история. Можно сказать, что главная цель ростопчинского памфлета заключалась в громкой националистической риторике. Во всяком случае, такие восклицания Силы Андреевича как «Ура, русские, вы одни молодцы!» или «Чего лучше быть русским?» [34, с. 421], свидетельствуют об этом. Примечательно, что в появившейся вскоре комедии Ростопчина «Вести, или Убитый живой» тот же Сила Андреевич Богатырев прямо заявлял: «Я люблю все русское, и если бы не был русским, то желал бы быть только русским. Ибо ничего лучше и славнее я не знаю» [31, с. 438].

В печати в эти годы Ростопчин заявил о себе прежде всего как националист, а уж потом консерватор, для которого приоритетными являлись не проблемы сохранения существующей иерархии русского общества и традиций межсословных отношений, а идея национального единства. Между тем стиль и идеологическое наполнение его сочинений получили в либеральной историографии крайне отрицательную оценку.

Дальнейшая публицистическая деятельность Ростопчина добавила к его репутации «квасного патриота» и галлофоба, новые грани. В 1811 году Ростопчин подготовил для великой княгини Екатерины Павловны антимасонскую записку [32], в которой история деятельности масонских лож в России была вплетена в канву теории тайного мирового заговора. Поскольку в масонстве Ростопчин видел политическую силу, направленную на подрыв основ государства и традиционного общества, то борьба с ним вскоре стала одним из направлений его деятельности на посту московского главнокомандующего. В свою очередь в мировоззрении Карамзина такая черта, как масонофобия, отсутствовала, что лишний раз подчеркивало респектабельность его консерватизма.

Была у записки Ростопчина и «практическая» цель: дискредитация личности и деятельности государственного секретаря М.М. Сперанского, чьи проекты либеральных преобразований вызывали серьезные опасения в консервативных кругах. В «Записке о мартинистах...» Ростопчин отмечал прочную связь государственного секретаря с русскими масонами, которые ему «более или менее преданы», а он «пользуется их услугами для направления дел», держа их в зависимости от себя [32, с. 145].

Падение всесильного Сперанского в марте 1812 года современники связывали с мощной кампанией против него «русской партии». Внес свой вклад в общее дело и Ростопчин. Великая княгиня Екатерина Павловна познакомила Александра I с «Запиской о мартинистах» Ростопчина. Впрочем, она же стала инициатором знакомства монарха с «Запиской о древней и новой России» Карамзина. Оба текста в той или иной степени были направлены против государственного секретаря.

Репутация Ростопчина как патриота и консерватора, а также его популярность в Москве способствовали тому, что накануне Отечественной войны 1812 года он был назначен на один из ключевых постов Российской империи – пост московского военного губернатора, а вскоре и главнокомандующего Москвы. Это назначение состоялось вопреки желанию Александра I, но благодаря влиянию на него сестры, великой княгини Екатерины Павловны.

Оказавшись во главе Москвы в 1812 году, Ростопчин получил почти неограниченные полномочия, приобретая уникальную возможность реализовать на практике идею государственной власти в ее национально-консервативном варианте. В условиях войны и при необходимости тотальной мобилизации общества консерватизм Ростопчина приобрел радикальное звучание. Некоторые мероприятия Ростопчина, призванные сплотить московское население перед лицом врага, имели и прагматический смысл. Так, накануне оставления Москвы Ростопчин выслал на барке в Нижний Новгород около сорока французов. Эта акция носила публичный характер: при большом стечении народа группа ино-

странцев была посажена в барку и отправлена водным путем в Нижний Новгород. Но помимо того, что эта мера была осуществлена, по собственному признанию Ростопчина, «для удовольствия народа» [11, с. 102], она преследовала и цель очистить Москву от наиболее неблагонадежных элементов. По просьбе московского главнокомандующего полиция представила список иностранцев, которые «были замечены по своим неуместным речам и дурному поведению». Похожую меру предпринял московский главнокомандующий и против местных евреев – владельцев питейных заведений. Вместе с семьями они были отправлены в Нижний Новгород [1, л. 7]. Процветание питейных домов вызывало у Ростопчина нескрываемую тревогу за нравственное состояние соотечественников, которые в скором времени «вместо громады верноподданных» могут представить «скопище пьяниц и воров». Во время войны эта проблема встала особенно остро, так как пьянство нарушало общественный порядок, который он всеми силами стремился сохранить.

Репрессиям со стороны Ростопчина подверглись летом 1812 года и масоны. Считая всех масонов «друзьями Бонапартьевыми» (слова П.И. Голенищева-Кутузова) [24, с. 392], летом 1812 года Ростопчин стремился удалить из Москвы наиболее видных и опасных из них. Из-за рассылки через почтамт пораженческих прокламаций, ведения служащими почтамта антиправительственных бесед и неподчинения властям московский почт-директор Ф.П. Ключарев был сослан Ростопчиным в Воронеж. Подобная же участь постигла и другого служащего почтамта – надворного советника Дружинина. Однако наибольшую известность в антимасонской компании Ростопчина имело дело Верещагина. 2-й гильдии купец Михаил Верещагин, масон, поклонник Наполеона, человек из окружения почтамтских служащих был уличен в сочинении и распространении прокламаций, носивших откровенно пораженческий характер. Суд приговорил Верещагина в пожизненной ссылке в Нерчинск, однако в трагических обстоятельствах оставления Москвы Наполеону он был казнен по распоряжению московского главнокомандующего.

Особую роль в своей деятельности Ростопчин отводил патриотической пропаганде. Современники писали о неслыханном, доходящем «до умопомрачения» патриотизме народа [40, с. 72], всячески подогреваемом московским главнокомандующим. Своеобразным орудием его патриотической пропаганды стали особые афиши, которые не только имели повсеместное распространение в Московской губернии, но и по своему стилю и содержанию были доступны простому народу. По воспоминаниям современников, афишки Ростопчина читались народом с большим интересом, после прочтения прокламации обычно крестились и горячо, с великим патриотизмом говорили о защите Москвы [40, с. 71].

Именно благодаря удачно подобранному для данного момента «народному стилю» афиши Ростопчина приобрели широкую популярность в 1812 году. Однако если в народной среде, к которой прежде всего и апеллировал Ростопчин, афиши принимались в основном с сочувствием и одобрением [40; 9], то в высших кругах московского общества часто звучала критика и порой весьма резкая по отношению к стилю и содержанию посланий главнокомандующего Москвы. Так, некоторым современникам язык посланий Ростопчина казался «площадным» и «пошлым» [3, с. 77; 37, с. 600–601; 25, с. 46].

Даже Карамзину не нравились, по словам П.А. Вяземского, «ни слог, ни некоторые приемы этих летучих листков». Под предлогом того, что Ростопчину, обремененному делами первой важности, нет времени заниматься еще сочинениями, Карамзин предлагал писать афиши вместо него. Однако Ростопчин отклонил это предложение. «Нечего и говорить, – писал П.А. Вяземский, – что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы более сдер-

жанными, и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ» [7, с. 185].

Это замечание Вяземского свидетельствует не только и не столько о разнице литературных стилей Ростопчина и Карамзина, сколько о более глубоком, идейном расхождении двух консерваторов. Вероятно, Карамзина смущал в афишах Ростопчина не архаичный, простонародный язык (хотя и это, вероятно, было), а сама свобода, доверительность общения главнокомандующего с народом, заигрывание с ним ради мобилизации вокруг национальной идеи. Сам Вяземский видел в издаваемых Ростопчиным афишах «выходки», по его выражению, «далеко не консервативные» [8, с. 72]. «Влечение Ростопчина к черни», было несовместимо в его представлении с консервативной репутацией графа [8, с. 72].

Интересно в связи с этим замечание современного американского историка А. Мартина, в соответствии с которым Ростопчин своими идеями «собирал приблизительно такую коалицию общественных сил, как черносотенные и фашистские движения XX века» [18, с. 74]. Как впоследствии и фашисты, Ростопчин взывал, по его словам, к средним слоям общества, которые отличались социальной воинственностью и культурным консерватизмом и составляли основную часть читателей его афиш. Наконец, именно они были наиболее восприимчивыми к демагогической ксенофобии Ростопчина, его теориям о масонском заговоре [41, р. 15]. Действительно, в своей деятельности Ростопчин нередко поднимал вопрос об общенациональных интересах, лежащих во внесословной плоскости, свободно переступая через сословные барьеры.

Мощная националистическая риторика Ростопчина не противоречила основным принципам консерватизма. Залог победы над Наполеоном (как это следует из содержания афиш) московский главнокомандующий видел в традиционных русских началах: неизменном уповании православного народа на Бога, верности государю и самоотверженной любви к Отечеству. (В одной из афиш Ростопчин писал о себе следующие: «...Я верный слуга царский, русский барин и православный христианин» [30, с. 151].) Ростопчин объяснял народу превосходство русской армии над французской тем, что «наши войска – русские; единого закона, единого царя, защищают церковь Божию, дома, детей и погосты», тогда как представители «великой армии» «дерутся за хлеб» и «умирают на разбое» [30, с. 153].

Для противодействия наполеоновской пропаганде, летом 1812 года Ростопчин инициировал кампанию по борьбе с иностранными шпионами. В результате его действий бдительность московских обывателей в отношении иностранцев достигла невиданных размеров. Призыв Ростопчина – «За хохол да на съезжую» всех кто станет «восхвалять» Наполеона, – оказался достаточно действенным. Было достаточно малейшего неосторожного слова или подозрительного поведения, для того чтобы в лучшем случае оказаться на допросе у главнокомандующего, в худшем – подвергнуться народному самосуду. Примечательно, что Ростопчин предписывал наравне с прочими разносчиками «опасных идей» «брать под караул» дворян и доносить ему лично о подобных случаях [2, л. 18 об.]. Это очередной пример того, как с подачи Ростопчина сословные привилегии теряли свою силу в условиях национальной катастрофы. Для русского общества начала XIX века, безусловно, это было слишком «опасным» явлением.

Впоследствии, когда с окончанием войны началась мощная кампания русской аристократии по дискредитации личности и деятельности московского главнокомандующего, не в последнюю очередь учитывался его «военный» опыт пренебрежения сословными границами. При этом чаще всего Ростопчина об-

вина в злоупотреблении властью. Обратим внимание, что главными творцами антиростопчинского мифа в сознании современников и потомков выступили именно те представители московского общества, которые испытали на себе административную жесткость московского главнокомандующего (например, П.С. Валуев, П.И. Голенищев-Кутузов, А.Д. Бестужев-Рюмин) [20, с. 207–208]. Так, именно крайне пристрастные воспоминания чиновника вотчинного департамента А.Д. Бестужева-Рюмина, служившего при Наполеоне в бытность его в Москве и затем осужденного за это при Ростопчине, часто являлись и являются едва ли не основным источником при характеристике личности Ростопчина и его деятельности на посту московского главнокомандующего. На воспоминания Бестужева-Рюмина как на авторитетный источник ссылались в свое время многие либеральные исследователи. Их активно использовал Л.Н. Толстой при создании романа «Война и мир».

Кульминацией патриотической деятельности московского главнокомандующего летом 1812 года стала организация грандиозного московского пожара. Это событие явилось радикальной мерой борьбы с деморализацией русских, вызванной неуклонным отступлением в глубь страны и сдачей без боя древней столицы. Московский пожар сыграл решающую и спасительную роль в Отечественной войне 1812 года, однако в русском обществе получил негативную оценку и стал главной причиной открытой травли Ростопчина. Даже Карамзин, несмотря на уважение и доверие к Ростопчину, был противником такой радикальной меры, как сожжение первопрестольной столицы, и не поддерживал его в этом [26, с. 104].

Административный опыт Ростопчина в 1812 году способствовал тому, что за ним закрепилась репутация «ловкого» или «зарвавшегося» патриота [14, с. 279–280], предшественника черносотенцев [18], ярого масонофоба [19, с. 278] и ксенофоба [16, с. 121]. Действительно, в условиях Отечественной войны произошла радикализация его консервативных и националистических взглядов. Это проявлялось и в абсолютизации принципа порядка, и в крайних способах консолидации московского населения, а националистическая риторика Ростопчина предвоенных лет получила в 1812 году новое, еще более острое звучание. На этом фоне просвещенный консерватизм Карамзина выглядит более чем респектабельно даже для либерального сознания, хотя и историограф не был чужд националистическим идеям [21, с. 277–278], равно как и базовых консервативных ценностей, которых придерживался Ростопчин. Вероятно, именно формы подачи одних и тех же идей, расстановка акцентов и выбор приоритетов и вносили настоящее разнообразие в интеллектуальные портреты двух ранних консерваторов.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–8.
2. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 18–18 об.
3. *Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // ЧОИДР. 1859. Кн. II. Ч. V. С. 65–97.
4. [Брэ Ф.-Г. де] Записки баварца о России времен императора Павла / Сообщ. Е. Шумигорский // Русская старина. 1899. Т. 99. С. 345–557.
5. Брэ Ф.-Г. де. Петербург в конце XVIII – начале XIX века // Русская старина. 1902. № 3. С. 571.
6. Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 1. С. 79–120.
7. *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1869. № 1. С. 181–216.
8. *Вяземский П.А.* Характеристические заметки и воспоминания о гр. Ростопчине // Русский архив. 1877. № 5. С. 69–78.
9. *Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания / Пер. с фр. А. Кукеля; предисл. и примеч. С. Боннэ; сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Д. Исмаил-Заде. М.: Олма-пресс, 2003.
10. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

11. *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882.
12. *Егерева Т.А.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М.: Новый Хронограф, 2014.
13. *Земцов В.Н.* Смерть Верещагина: западник, патриот и власть // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. С. 266–282.
14. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова, примеч., именной указ. С.В. Хатунцева и Н.Н. Лупаревой; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013. С. 233–327.
15. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова, примеч., именной указ. С.В. Хатунцева и Н.Н. Лупаревой; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013. С. 59–75.
16. *Кизеветтер А.А.* 1812 г. Ф.В. Ростопчин // *Кизеветтер А.А.* Исторические отклики. М., 1915. С. 27–187.
17. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987.
18. *Мартин А. Ф.В.* Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен // Консерватизм: идеи и люди / Под ред. П.Ю. Рахшмира. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 67–79.
19. *Мельгунов С.П.* Ростопчин – Московский главнокомандующий // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. IV. С. 34–83.
20. *Мещерякова А.О.* Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж: Изд. дом «Китеж», 2007.
21. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм первой четверти XIX в. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011.
22. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примеч. и объяснениями М. Погодина. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2.
23. *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.
24. Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. Т. 2. С. 288–443.
25. Письма Н.М. Лонгинова к графу С.Р. Воронцову // Русский архив. 1912. № 6. С. 161–206.
26. Письма гр. Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Деятельный век. М.: Изд. П. Бартенева, 1872. Кн. II. С. 1–113.
27. Письмо к князю П.А. Вяземскому от 31 декабря 1825 г. // *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и народной гордости / Сост., предисл. А.Ю. Минакова, примеч., именной указ. С.В. Хатунцева и Н.Н. Лупаревой / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2013. С. 686–687.
28. Письмо графа Ф.В. Ростопчина к великой княгине Екатерине Павловне от 14 апреля 1810 года // Русский архив. 1886. № 2. С. 374–375.
29. Последние страницы, писанные графом Ростопчиным // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. С. 315–319.
30. *Ростопчин Ф.В.* Афиши 1812 года, или Дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям ее // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 148–160.
31. *Ростопчин Ф.В.* Вести, или Убитый живой: Комедия в одном действии // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 431–486.
32. *Ростопчин Ф.В.* Записка о мартинистах, представленная в 1811 году великой княгине Екатерине Павловне // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 139–147.
33. *Ростопчин Ф.В.* Записка о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 86–96.
34. *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 420–424.
35. *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! Наборная повесть из былей, по-русски писанная // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 346–419.
36. *Ростопчин Ф.В.* Путешествие в Пруссию // *Ростопчин Ф.В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Сост., предисл., пер. с фр., примеч. А.О. Мещеряковой. М., 2014. С. 287–345.
37. *Рунич Д.П.* Записки // Русская старина. 1901. № 3. С. 597–633, 600–601.
38. Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 215.
39. *Шильдер Н.К.* Россия в ее отношениях к Европе в царствование императора Александра I, 1806–1815 гг. // Русская старина. 1888. Т. 57. № 2. С. 269–319.
40. *Эрстрем Э.Г.* Для меня и моих друзей (дневник финляндского студента) // Наше наследие. 1991. № 5. С. 67–83.
41. *Martin A.* The Napoleonic Wars and the Origins of Conservative Politics in Russia and Spain // Эволюция консерватизма: Европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 26–29 апреля 2002 года. Самара, 2002. Р. 12–22.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды и деятельность Ф.В. Ростопчина – яркого представителя раннего консерватизма в России, друга и единомышленника Н.М. Карамзина. Особое внимание уделяется причинам, по которым в научной литературе и общественном сознании укоренился негативный образ Ростопчина. Сравнивая его взгляды и взгляды Карамзина, делается вывод о том, что при общем сходстве базовых идей были и отличия в их мировоззрении, которые повлияли на особую, «неполиткорректную» репутацию Ростопчина.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин, Александр I, Отечественная война 1812 года.

Arina Meshcheryakova, Ph.D. in History, Chief Fund Curator, Voronezh State University.
E-mail: arina-m@mail.ru

The Features of Conservatism Patriotism: N.M. Karamzin and F.V. Rostopchin

Abstract. The article examines the views and activities of F.V. Rostopchin – an outstanding representative of early conservatism in Russia, a friend and associate of N.M. Karamzin. The author focuses special attention on the reasons of negative interpretation of the image of Rostopchin in scientific books and public conscience. Comparing his views with those of Karamzin, the author concludes that in spite of similarity of their basic ideas there were also differences in their vision that influenced the special “non-politically correct” image of Rostopchin.

Keywords: Conservatism, Nationalism, F.V. Rostopchin, N.M. Karamzin, Alexander I, Patriotic War of 1812.